

«Выбор месяца».
Romantic times

О чем он мечтает забыть?

Джастин ДЭВИС

ЛУЧШАЯ МЕСТЬ

Романтический триллер

Джастин Дэвис
Лучшая месть

«Центрполиграф»

2011

Дэвис Д.

Лучшая месть / Д. Дэвис — «Центрполиграф», 2011

Деймерон Сент-Джон похоронил свое прошлое. Побои, сексуальное насилие, одиночество и непонимание – все это осталось в городке Сидар. Лишь маленькая девочка Джесса Хилл была светлым воспоминанием о том страшном времени. Спустя двадцать лет Сент-Джон, с новым именем, новым лицом, новой жизнью, решил вернуться в родной город. Джесса, уже взрослая, но все такая же добрая и открытая, баллотируется в мэры. Ее оппонент – Элберт Олден, тайный извращенец, отец Деймерона. Только Сент-Джон знает, что скрывается под маской этого человека. Пришел час расплаты за грехи...

© Дэвис Д., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джастин Дэвис

Лучшая месть

Глава 1

– Трус!

Сент-Джон смотрел на себя в зеркало. Этим утром шрам был не таким ярким, как обычно, он недостаточно хорошо загорел, вот и нет контраста с тонкой длинной полосой вдоль правой стороны челюсти. А это происходит, когда прячешься дома большую часть времени, сказал он себе.

«Трус – подходящее оправдание», – молча добавил Сент-Джон.

В последнее время он прятался больше, чем раньше, хотя в «Редстоуне» было не так много проблем – скорее, наоборот, дела шли хорошо по всем фронтам. Самолет «Хок-5» был готов к поставке. Вред, причиненный змеей, пригретой в отделе изысканий и разработок, выявлен, потери сведены к минимуму, а система охраны перестроена заново. Это вдохновило их изобретателя на новые пути, включая пару революционных концепций, которые заставили ошеломленно моргать даже Джоша Редстоуна – ему идея имплантированного микрочипа, вызывающего у жертв остаточную дрожь, не приходила в голову. Но Йен Гэмбл осуществил это, первые испытания прошли успешно, и можно было проводить дальнейшее тестирование. Принцип Джоша – нанимать лучших – продолжал приносить плоды: сотрудники «Редстоуна» были его реальной силой.

К несчастью для Сент-Джона, они также составляли проблему. Не то чтобы с ними было что-то не так. Напротив, они действительно были лучшими и безумно счастливыми.

Пожалуй, даже чересчур.

«Если мне придется посетить еще одну свадьбу в „Редстоуне“...» Он даже не смог закончить мысль.

Нельзя сказать, что свадьбы его раздражали. Просто ему не нравилась непривычная боль, которую он начал испытывать от свадеб в «Редстоуне» и возникновения всех новых родственных связей. Уже начали появляться фирменные дети. Единственным плюсом, который он находил в этом процессе, была смешанная с горечью благодарность за то, что никому из них никогда не придется узнать то, что узнал он.

– Добавь к трусу нытика, – пробормотал вслух Сент-Джон, сознавая, что констатирует собственное душевное состояние и что большую часть времени едва говорит с кем-либо, кроме себя.

Взглянув на часы, Сент-Джон завел их: половина пятого утра. Он припозднился с утренней пробежкой. Но уже несколько недель обстановка была мирной – никаких ночных вызовов на дальние аванпосты империи «Редстоун» от людей, ищущих помощи, информации или совета. Он не любил вникать в постоянно возникавшие межличностные ситуации. Личные проблемы вносили в бизнес ненужные эмоции.

Но теперь, когда Сент-Джон был не при деле – по крайней мере, временно, – он ощущал странное беспокойство. Его мучила догадка, что организация помощи сотрудникам «Редстоуна» с их личными проблемами заменяла ему человеческие контакты, и когда в ней отпала необходимость...

«Будь осторожен с тем, чего ты хочешь».

Эта старая аксиома никогда не имела для него большого значения, так как он не без боли постиг еще в раннем возрасте, что желания не значат ничего. В противном случае он пожелал бы многого.

Сент-Джон провел пальцами по все еще влажным волосам. Ему не помешала бы стрижка. Конечно, он замечал это ежедневно с тех пор, как его волосы легли поверх воротника, но стрижка требовала визита в парикмахерскую чуть дальше по улице, но болтовня Уиллис раздражала Сент-Джона, и он продолжал отращивать волосы.

У Сент-Джона не было настроения для болтовни. Это наблюдение вызвало бы в «Редстоуне» смех – всем было известно, что он всегда пребывает в таком состоянии. Сент-Джон знал фирменную шутку: «К чему использовать одно слово, когда можно не использовать ни одного?» То, что было проявлением инстинкта самосохранения в детстве, стало укоренившейся привычкой в тридцать пять лет, и он не видел причин менять ее. Он хорошо выполнял свою работу, а это главное.

Сент-Джон спустился этажом ниже, хотя его ноги немного устали от предрассветной пробежки. Еще одна давно укоренившаяся привычка: если тебе когда-нибудь придется бежать, лучше быть к этому готовым.

Его просторный рабочий кабинет находился в западной стороне штаб-квартиры «Редстоуна». В сумраке раннего утра свет внизу выглядел с этого этажа впечатляюще. Стеклопанная стена была обработана специальным антисветовым покрытием Йена Гэмбла, обеспечивавшим полную видимость и делающим возможным читать изображения на всех компьютерных мониторах даже при полном дневном свете.

Джош шутя называл его рабочее место боевым постом. Очевидно, именно так и выглядело это сооружение в форме буквы U, с четырьмя мониторами на одной стороне, мультилинейным телефоном – от анонимных линий до снабженных этикетками с полезными именами и местами – на другой и письменным столом на третьей.

Сент-Джон предпочел бы сидеть спиной к панорамному виду, включающему дальние отблески Тихого океана, но дизайнер полагал, что, кто бы ни занял этот кабинет, он, конечно, захочет созерцать вид из окна.

«Разумное предположение, если иметь в виду любого другого, а не его».

Он ногой включил компьютеры. Один был связан с внутренней сетью «Редстоуна», другие – его собственные, независимые и тщательно охраняемые. Не для того, чтобы защитить данные в них – здесь, в цитадели «Редстоуна», в этом не было нужды, – а чтобы защитить «Редстоун» от не слишком традиционных методов расследования самого Сент-Джона.

Он заканчивал план дневной атаки, когда тихий писк уведомил, что программа отслеживания новостей посылает предупреждение. Синдикат Гордона, подумал Сент-Джон, устремляя взгляд на экран. А может, какие-то события на Аретузе, острове в Карибском море вблизи курорта Редстоун-Бей, – мятежники, бывшие в действительности наркоторговцами, снова причиняли беспокойство. Пока что это не задевало «Редстоун» серьезно, но...

Автоматический поиск выдал темные буквы на светящийся экран. Какая-то периферическая доля мозга Сент-Джона зарегистрировала, что небо посветлело. Но его основная часть сосредоточилась на мониторе.

Сообщение было достаточно простым. Оно выглядело неважным для большей части мира «Редстоуна», да и всего мира в целом. В конце концов, какое имеет значение, кто решил баллотироваться в мэры городка Сидар в штате Орегон?

«Для тебя, во всяком случае, это не имеет значения».

Суровый внутренний голос вернул Сент-Джона к действительности.

После стольких лет это и в самом деле не важно.

Сент-Джон закрыл окно сообщений и вернулся к своей работе, размышляя, не следует ли ему повернуть «боевой пост» таким образом, чтобы не созерцать восход каждое утро. Он знал, что Джошу это безразлично. Разве только он прокомментировал бы своим негромким тягучим голосом, внушавшим глупцам мысль, будто его ум столь же медлителен, что повернуться спиной к миру не означает сбежать от него.

Верно. Но Сент-Джон мог хотя бы на время притвориться, что это так.
И игнорировать тот факт, что это не помогало ему в течение всех долгих лет.

Джесса слышала разговоры несколько недель назад, когда городской совет наконец объявил о проведении внеочередных выборов, но была слишком занята, чтобы обращать на них внимание. Содержание «Хиллс», магазина кормов для животных, поглощало большую часть ее времени и энергии, а остатки доставались матери и собаке. Джесса не жаловалась – ее как раз радовала занятость от рассвета до темна, – это отвлекало от постоянных мыслей о том, как ей не хватает папы.

Но теперь, похоже, разговоры приняли вполне определенную форму.

– Все в городе любят тебя, – горячо заявила Мэрион Уэгмен. – И всегда любили.

Ну нет, подумала Джесса, подняв с полки последний пакет собачьего корма. Ей пришел на ум Джим Стэнтон. Теперь она могла смеяться над этим, но тогда, в последнем классе школы, ей причиняло боль, что его стремление находиться подальше от жизни маленького городишки значительно превосходило желание быть с ней.

– Пойми, это своеобразная гарантия, – продолжала Мэрион. – Одного твоего имени было бы достаточно.

Джесса слушала вполуха, обдумывая при этом свои достижения: ей удалось разложить вокруг сорокафунтовые пакеты с собачьей едой и даже более тяжелые сумки с пищей для скота. Это явный прогресс по сравнению с тем временем, когда она приняла на себя обязанности по управлению всеми делами, связанными с магазином более восьми месяцев назад.

подавив вздох, Джесса стряхнула челку со лба. Она давно коротко подстригла светлые локоны для удобства, но для того, чтобы держать их хоть в какой-то форме, нужно время, а время в эти дни для нее было слишком дорого.

– Ты не можешь допустить, чтобы должность твоего отца перешла к кому-то еще.

В голосе Мэрион послышались решительные нотки, хорошо знакомые Джессе с тех пор, как та преподавала ей историю в девятом классе. Хилл занимал должность мэра почти сорок лет, идея преемственности казалась Мэрион весьма привлекательной. Ей и в голову не приходило, что Джессе едва хватает времени дышать, что уж говорить о безумных фантазиях ее бывшей учительнице. Даже если бы Джесса этого хотела, а она этого не хотела.

– Эту должность занимал мой отец, потому что он был избран, ее нельзя унаследовать, как корону.

Предположение, что изберут ее, выглядело абсурдным, на ее взгляд. Отец был чудесным мэром, потому что пользовался уважением и любовью всего девятидесяти тысячного населения Сидара почти тридцать лет. Но у него был талант, которым Джесса не обладала и, говоря откровенно, не хотела обладать. Сколько раз в детстве ее раздражало то, что они не могут просто пройти по улице от почты до библиотеки, их то и дело останавливали разные люди, которые, не обращая внимания на нее, его маленькую дочь, хотели поблагодарить, пожаловаться, поздравить или просто поболтать с их личным мэром. Покуда она переминалась с ноги на ногу, ожидая, когда же наконец и ей перепадет немного его внимания.

Впрочем, мысленно она уже находилась в библиотеке, выискивая энциклопедии и справочники, из которых узнает, как научить лошадь быстро менять шаг или отучить ее Кьюлу – в других отношениях безупречную собаку – приносить домой абсолютно невредимыми голубей мистера Карпендера, или просто самозабвенно рылась в книгах, потому что страстно любила мир литературных фантазий.

– Ты единственная, кто сможет сделать это, Джесса, – говорила Мэрион. – Люди проголосуют за тебя, потому что ты дочь своего отца.

Джесса остановилась, держа в руке блокнот, где она только что сделала запись – ее отец сопротивлялся полной компьютеризации.

– Вы что-то имеете против мистера Олдена? – осторожно спросила она.

– Я просто думаю, что нашим мэром по-прежнему должен быть Хилл, – ответила Мэрион.

– Есть еще дядя Лэрри, – сказала Джесса.

Глаза Мэрион расширились, а Джесса сдержала улыбку. Ее дядя жил в маленьком коттедже на окраине города, многие считали его мудрым, но слегка... эксцентричным, а известен он был главным образом из-за множества гномов, установленных в его саду.

– Можете себе представить, как будет выглядеть городской совет, в ожидании его очередной сентенции? – осведомилась Джесса.

Этот вопрос заставил Мэрион извиниться и покинуть магазин.

Джесса вернулась к работе, сосредоточившись на пополнении запаса соляных блоков, которые понадобятся местному ветеринару, доку Гальперину, для его лошадей. Она равнодушно скользнула взглядом мимо стеклянного шкафа, наполненного призами и голубыми лентами. Джесса не раз пыталась убедить отца убрать «этот монумент» ради более ценных товаров – магазин переполнен и без того. Сувениры славных дней ее побед на местных лошадиных парадах она считала древней историей. Но отец упорствовал, он гордился успехами дочери куда больше, чем она сама.

Теперь она может поступить так, как считает нужным. Отца больше нет здесь, и некому отвергать ее предложения. Не то чтобы он отвергал их все. Он одобрил ее идею добавить ряд поздравительных открыток лошадиной тематики, выполненных местным художником и ее одноклассником, на полке около кассы, чтобы покупатели могли рассматривать их в ожидании оплаты. Успех открыток обрадовал ее почти так же, как кубок на чемпионате штата, потому что она смогла убедить папу и оказалась права.

Да, теперь Джесса могла изменить все, что хотела. Но когда ее отца не стало, она начала цепляться за все, что было при нем, как если бы перемены могли оскорбить его память.

«Или признать, что его действительно больше нет», – подумала она.

Внутри жила боль, заглушить которую было невозможно. Желая отвлечься от грустных мыслей, Джесса подумала о нелепом предложении Мэрион Уэгмен. Над ним, по крайней мере, можно было смеяться, а не плакать.

Как бы то ни было, официальное объявление кандидатуры Элберта Олдена пустило избирательную кампанию в галоп. А теперь, когда ее отца не стало, он самодовольно уверял, что никто не осмелится ему противостоять и что выборы – чистая формальность. Но в отличие от якобы большинства жителей Сидара, Джесса не придерживалась высокого мнения о главном кандидате. Олден, безусловно, был состоятельным человеком по стандартам Сидара, с лощеными манерами и дипломом элитного восточного колледжа на стене кабинета, но ей было известно больше, чем хотелось бы его избирательной команде.

Проблема заключалась в том, что Джесса, вероятно единственная в городе, не верила, что внешний лоск Олдена, искусно окрашенный печалью по поводу происшедших в его жизни трагедий, и его белозубая ослепительная улыбка скрывают глубокие, искренние чувства.

«Но разве эти лоск и улыбка не являются основными атрибутами политика?» – задала она себе риторический вопрос.

Однако шутка показалась плоской даже ей самой. Особенно учитывая то, что Джесса знала о столпе общества Сидара. Отсутствие у нее доказательств не могло уменьшить легкой тошноты даже после стольких лет. Значительную роль в этом играло чувство вины – тогда она была ребенком, но чувствовала, что должна что-то сделать. Джессу заставляло молчать лишь то, что тот, кто сделал самую большую ставку в этой игре, умолял ее не говорить ни слова.

Но теперь она была взрослой и не сомневалась, что такие преступления не имеют срока давности. Однако если жертва давно мертва, что она могла сделать?

Что должна была сделать?

Отойти в сторону и позволить этому человеку вступить в должность, которую ее отец и дед занимали с достоинством и честью? Могла ли она молчать о своих подозрениях, не имея никаких доказательств? Просто шептать о подозрениях по поводу человека, занимающего такое положение, не только бесполезно, но и не вызывает ничего, кроме недоверия к ней.

Что же тогда – позволить своему любимому родному городу наделить Элберта Олдена властью над шестью школами Сидара, подозревая, что он воспользуется ею наихудшим образом?

Джесса опустилась на ящик с блоками соли.

– Нет, – шепнула она пустому магазину. – Я не могу. Я просто не могу.

И тут же спросила себя, что она имеет в виду – не может попытаться остановить его или не может этого не делать?

Глава 2

– Что-что?

Джош смотрел на него, как на реактивный двигатель, который внезапно замяукал.

– Ты слышал меня, – сказал Сент-Джон. Он был раздражен и разгневан на себя за то, что затеял этот разговор, и ворчал, как дворовый пес.

– Почему?

– По моим расчетам, у меня скопилось 333,6 дня отпуска, – сказал Сент-Джон своему боссу и главе «Редстоуна», и, принимая во внимание присущую ему немногословность, сейчас он произнес очень длинную фразу.

– Отлично знаю, но это не ответ. – Джош прищурил глаза, и Сент-Джон понял, что ему, скорее всего, не удастся избежать прямого объяснения.

– Ты говоришь «нет»?

Джош откинулся на спинку стула.

– Ты знаешь меня с тех пор, как был подростком, и должен понимать лучше, чем другие.

Сент-Джон не понимал лучше. Он просто надеялся, что Джош согласится, не выясняя причин. Напрасная надежда, осознал он, когда человек, который никогда ничего не упускал, медленно поднял свою долговязую фигуру с большого кожаного кресла.

– К тому же ты моя правая рука и так же незаменим в «Редстоуне», как я. Без тебя «Редстоун» не будет таким, какой он есть.

Сент-Джон не стал протестовать – он знал, что чертовски хорош на месте вице-президента по управлению. И как говорила личный пилот Джоша Тесс Мачадо, для того, чтобы описать его деятельность в полном объеме, потребовался бы весь «Оксфордский словарь английского языка».

– Я должен тебе все то время, которое ты потребуешь, хотя твое отсутствие повлечет за собой ужасающие последствия. Но это не имеет значения, – добавил Джош, так как Сент-Джон хранил молчание.

И оно продолжалось достаточно долго для того, чтобы заставить нервничать собравшихся. Наконец, уголки рта Джоша дернулись, и Сент-Джон понял, что он уступит.

– Что имеет значение, – продолжал Джош, как будто никакой паузы не было, – так это что моей правой руке, моему главному помощнику, который не брал ни дня отпуска за десять лет, который всегда мог подняться над обыденностью, работать в выходные и даже на Рождество, вдруг понадобился отпуск.

– Да или нет? – проворчал Сент-Джон.

Еще один долгий момент Джош молча смотрел на него. Сент-Джона не пугало то, что босс превосходил его шестифутовый рост на добрых три дюйма. Да, Джош никогда и не пытался подавлять своим ростом, многие вообще обманывали, принимали его за туповатого провинциала с деревенским акцентом, и слишком поздно понимали, что их одурачили.

Когда он заговорил снова, это был почти шепот.

– А если я скажу «нет»?

«Я испытаю облегчение, – подумал Сент-Джон. – Буду рад предлогу не ехать».

Это признание, даже внутреннее, раздосадовало его. Разве он не знал, что попытка спрятаться от реальности никогда не приводит к желаемому результату? Что жизнь такова, какова она есть, и что с семи лет он не пытался отворачиваться от нее?

– Не скажешь, – пробормотал Сент-Джон, возвращаясь к своему обычному немногословному стилю.

– Да, – со вздохом промолвил Джош. – Я не скажу «нет». Но по крайней мере, сообщи мне, где тебя можно будет найти. Ты единственный в «Редстоуне», кто сможет взять на себя руководство, если что-нибудь случится со мной.

– Нет. Дрейвен.

Джош поднял бровь.

– Да, благодаря Джону и его людям я в максимально возможной безопасности. Но это не отменяет того факта, что мне может понадобиться связаться с тобой. Так где же ты будешь?

Сент-Джон полез в карман и достал свой изготовленный в «Редстоуне» телефон – замысловатый мультифункциональный мини-компьютер с глобальной связью, – демонстрируя ответ.

Джош криво усмехнулся:

– Я знаю, что твоему технологичному уму трудно это принять, но есть места, где твой малыш не работает.

– Весь дрожу.

– Шутишь? Теперь я по-настоящему беспокоюсь.

– Не стоит.

Джош спокойно продолжал, без всяких претензий на юмор.

– Дэм, – произнес он сокращенный вариант редко используемого имени Сент-Джона – Деймерон. Сент-Джон молча ожидал продолжения. – Я никогда не заставлял тебя говорить о том, о чем ты говорить не хочешь, – сказал Джош. – Это означает почти обо всем. Но ты не можешь просить отпуск чуть ли не впервые в жизни и ожидать, что я не буду удивляться, если не беспокоиться по этому поводу.

Сент-Джон боролся с желанием убежать. Этот человек оказывал на него давление, как никто другой на всей планете, в силу простого факта, что, если бы Джош Редстоун не появился в его жизни много лет назад, его, Сент-Джона, не было бы в живых. И даже тогда, когда он думал, что лучше бы ему сойти с этого пути, это было то, что нельзя изменить.

«Я не желаю удовлетворять его».

Эта мантра, нацеленная в демона, который определял курс его жизни со дня рождения, была старой и многократно использованной, но от этого она не становилась слабее. То, что эта злая сила так и не узнала о своей неудаче, о том, что сын, которого она пыталась уничтожить, не только выжил, но и смог пробить себе дорогу, не имело значение.

– Куда ты собираешься?

Вопрос прозвучал спокойно, даже мягко. И его задал Джош – человек, который помог ему доказать, что ужасные пророчества неверны. Он заслуживал ответа и даже правды.

Сент-Джон глубоко вздохнул. С усилием, в котором ему не хотелось себе признаваться, он встретил взгляд спокойных серых глаз. И слово, которое он двадцать лет старался не проносить и о котором пытался даже не думать, сорвалось с его языка.

– Домой, – ответил Сент-Джон.

Джесса сидела при свете раннего утра в большом кожаном кресле отца. Мауи разлегся у ее ног – вернее, прямо на ногах. Ей нравилось ощущать тепло собаки, в то время как она смотрела на школьный ежегодник, лежащий у нее на коленях.

Сидеть здесь Джесса и любила, и ненавидела – иногда она была готова поклясться, что чувствует запах отцовского крема для бритья. От этого мысль о том, что отец ушел навеки, была особенно мучительна, а переезд во время его болезни в дом, где она родилась, казался ей худшим и в то же время лучшим решением в ее жизни.

Джесса перелистывала страницы ежегодника. Она искала неофициальные фото учащихся. На этом снимке сын человека, который теперь собирается стать мэром, выглядел так же, как остальные мальчики из его класса, – неестественно аккуратным и чопорным. Но в разделе, озаглавленном «Жизнь кампуса», Джесса нашла фотографию, которую помнила: боль-

шая группа смеющихся ребят, сидящих вокруг на школьном дворе. А поодаль сидит одинокий темноволосый мальчик, глядя на одноклассников с выражением лица, которое она никогда не могла понять до конца. Была ли это зависть? Неприязнь? Тоска? Она знала лишь то, что Эдам Олден никогда не был частью этой группы.

Причины Джесса толком не знала. Заключалась ли она в том, что его отец был успешным адвокатом с двумя офисами в этом сельском округе? Или, быть может, зависть других ребят оставляла Эдама в изоляции? Сам он никогда этим не кичился, а его отец хвастал, что не балует сына.

Джесса пришла к выводу, что Эдам сам старался сохранять дистанцию. Поэтому многие считали его высокомерным. Но она знала больше других, хотя была младше Эдама на четыре года.

Она не могла понять, что влекло четырнадцатилетнего паренька к тому месту у реки после их первой случайной встречи и что заставляло его говорить с ней так, как он говорил. Возможно, думала Джесса, когда ей самой исполнилось четырнадцать, он доверял ей потому, что не видел угрозы в десятилетней девочке. А может, дело было в том, что она внимательно слушала, предлагая единственное, что могла предложить, – внимание и поддержку.

Да, Джесса знала больше других. Она боролась с подозрениями, пытаясь со всей возможной в десятилетнем возрасте серьезностью решить, должна ли она нарушить обещание молчать, данное темноволосому мальчику с затравленным взглядом голубых глаз.

А потом налетела буря, юный Эдам Олден погиб, и все это, казалось, больше не имело смысла.

Джессе не хватило смелости сделать то, что она делала обычно, – подойти к полке и достать свой собственный школьный ежегодник, который Эдам подписал для нее за десять дней до смерти. Впрочем, ей незачем было на него смотреть – слова отпечатались в ее памяти два десятилетия назад.

«Джесс – лучу света в темном царстве. Э.».

Только ему было позволено называть ее так. Джессом звали ее отца, и хотя ей дали имя в его честь, сокращенная форма имени Джесси принадлежала ему одному. Но ей нравилось, когда так ее называл Эдам, ей казалось, что это создавало между ними нечто личное, принадлежащее только им двоим.

Мауи зашевелился и вздохнул, давая понять, что хотя он терпеливый пес и ждет, сколько потребуется, но все же предпочел бы бегать во дворе за мячиком, который хозяйка бросала бы ему, пока у нее не заболит рука. Именно так ей и следовало поступить, пока не стемнело, вместо того, чтобы тратить время на печальные воспоминания.

– Пошли, малыш, – сказала она, захлопнула ежегодник и положила его на полку. Будучи мэром, ее отец получал такие альбомы из всех школ каждый год, поэтому, хотя Джесса и была младше Эдама Олдена на четыре года, она могла проследить его развитие от ранних лет до этого последнего ежегодника. То, что он был единственным ребенком из полудюжины людей, погибших во время этой страшной бури, сделало его если не легендой, то, по крайней мере, главным персонажем страшной, во всяком случае по стандартам Сидара, трагедией.

Большой золотистый ретривер поднялся на ноги, возбужденно махая пушистым хвостом и словно говоря: «Ну, мама, теперь мы можем поиграть?»

Протянув руку, Джесса почесала собаку за мягкими ушами. Если бы не Мауи, она легко могла так глубоко опуститься в трясину горя, что больше не увидела бы дневного света. Но спокойная поддержка пса и его нужда во внимании и заботе помогали ей смотреть в лицо каждому новому дню. Она даже находила болезненное утешение в его гавайском имени¹, данном отцом, так как они с матерью поженились на островах.

¹ Мауи – один из Гавайских островов. (Здесь и далее примеч. пер.)

– Пошли, золотой мальчик. Давай найдем для тебя хороший теннисный мяч.

Для умного пса слов «пошли» и «мяч» было достаточно. Он радостно залаял – теперь в его мире все наладилось.

Когда Джесса стояла на большом дворе между домом и задней стеной магазина, наблюдая, как неутомимый ретривер бежит взад-вперед, в голове у нее мелькало оправдание любящему счастливому животному, чью жизнь она собиралась перевернуть.

– Наслаждайся этим, пока можешь, малыш, – прошептала Джесса.

Потому что, вспоминая мальчика, сыгравшего столь драматическую роль в ее жизни, который рассказывал ей о том, что не доверял больше никому, и ставшему после смерти частью преданий ее любимого городка, она приняла решение.

Нельзя позволить виновнику затравленного, загнанного взгляда голубых глаз Эдама Олдена, человеку, оставлявшему синяки на его теле, захватить этот город без борьбы.

Глава 3

Сент-Джон вел машину медленно. Он убеждал себя, что все дело в том, что лимит скорости составлял двадцать пять миль и что единственный помощник шерифа в Сидаре – по крайней мере, так было двадцать лет назад – любил сидеть перед знаком ограничения скорости и ждать нарушителя.

Но теперь предупредительный знак возник на добрую четверть мили раньше, предписывая водителям сбросить скорость на двухполосной дороге. И ни одного копа в засаде не было. Возможно, кто-то прислушался к жалобам на эту ловушку.

Здравый смысл подсказывал Сент-Джону, что здесь произошло немало других перемен, но он все же не ожидал увидеть, а тем более проехать по новому крепкому мосту через реку Сидар. Поскольку прежний мост не был таким уж старым, Сент-Джон задавался вопросом: что с ним произошло – вероятно, его снесло потоком? Быть может, *тем* потоком. Бросаться деньгами было не в традициях Сидара. Конечно, это была окружная дорога, так что...

Осознание, что он забивает себе голову чепухой, просто чтобы не думать, где он и зачем, прервало ход его мыслей.

«Больше он не имеет власти надо мной».

Слова отозвались эхом у него в голове впервые за долгое время. Сент-Джон начал проносить их в четырнадцать лет. Ко времени, когда ему исполнилось двадцать, он благодаря Джошу, наконец, поверил в это.

«Тогда почему ты ведешь себя так, словно власть все еще у него?»

Когда дорога сделала последний поворот, Сент-Джон увидел еще одно новшество – большой торговый центр с парой примыкающих к нему складов. Он смутно помнил горячую дискуссию о постройке центра много лет назад – мэр Джесси Хилл был одним из самых рьяных ее сторонников. Интересно, уж не доходы ли от торгового центра помогли городу построить новый мост?

Мэр Хилл. Отец Джессы.

Сент-Джон покачал головой, внезапно он осознал личную цену смерти мэра Хилла для единственного человека в Сидаре, о котором он позволял себе думать с той ночи, как покинул город навсегда.

Джесса.

Сент-Джон представлял себе, что ее должна была духовно опустошить смерть отца, которого она так любила, в чью честь ее назвали. Иначе и быть не могло – он это понимал, хотя в его жизни не было таких тесных родственных связей. В свои четырнадцать лет Сент-Джон удивлялся их отношениям и даже завидовал, когда Джесса говорила о своем отце так, словно тот создал мир. Он пытался убедить себя, что причина в ее детском возрасте, что с годами это изменится, но в глубине души понимал: все дело в том, что Джесс Хилл был настолько же светлым и честным человеком, насколько его отец – темным и лживым.

Его интересовало, здесь ли еще Джесса, или же она, наконец устав от жизни в маленьком городке, куда-то уехала. Она была не по годаммышленным ребенком – ей не составило бы труда достичь успехов в большом городе. Но Джесса любила сельскую жизнь, свою лошадь, собаку и даже настоящую грязь после дождя, а не намокший бетон.

Если она все еще здесь и он наткнется на нее...

Сент-Джона не беспокоило, что она узнает его. Никто не мог его узнать. Понадобилось несколько операций, чтобы устранить последствия травм, с которыми он покинул Сидар. Скула, челюсть... Даже трижды сломанный нос был исправлен и выпрямлен, чтобы он мог нормально дышать, а вовсе не потому, что его беспокоила его внешность. После той ночи остался только шрам как воспоминание о его бегстве.

Нет, даже Джесса не узнала бы его теперь. Но где бы она ни была, он желал ей самого лучшего. По-своему она спасла его, как и Джош. Если бы он не мог говорить с ней...

Сент-Джон нажал на тормоз так резко, что только ремень безопасности удержал его от удара о лобовое стекло. К счастью, несмотря на новый мост и торговый центр, в это время дня здесь было немного транспорта и никто не врезался в него сзади. Он дал задний ход и подъехал к обочине одним быстрым маневром.

На маленьком пригорке у дороги находился ответ на вопросы, которые он обдумывал. И первый плакат предвыборной кампании, который он видел. Но плакат агитировал не за Элберта Олдена, как ожидал Сент-Джон, а за Джессу Хилл.

– Это плохая идея, плохие времена.

Джесса вздохнула. Она не ждала, что кто-то поддержит ее решение, но надеялась хотя бы на свою семью. По крайней мере, возражения матери она понимала. Мама боялась, что дочь берет на себя слишком много, и Джесса не была уверена, что она не права.

Но ее дядя, казалось, решил, что это плохая идея, по другим причинам. И каковы бы они ни были, Джесса думала, что собирается услышать о них в свойственной дяде на первый взгляд непоследовательной, но в действительности вполне разумной манере. Она пыталась сосредоточиться на сортировке магазинных счетов. Компьютеризированная система становилась приоритетом – писанина от руки, как это было при отце, занимала слишком много времени. Постоянным покупателям отец предоставлял отсрочку. И Джесса не хотела ничего менять – была причина, по которой люди приходили сюда, а не ехали по шоссе двадцать миль к северу в новый большой магазин.

– Всасывает все на своем пути, – произнес дядя типичную для него неуклюжую фразу. Джесса думала, что ее усталый ум не в состоянии следовать извилистой дорогой его мыслей. – Зло всегда делает так.

Джесса заморгала, не ожидая такого продолжения. С пачкой месячных отчетов в руке она посмотрела на своего дядю.

– Должно быть, старик Олден ворочается в гробу, видя это.

Джесса догадалась, что он имеет в виду деда теперешнего Олдена, Кларка Олдена, который умер почти двадцать пять лет назад. Тогда ей было всего пять, но она помнила, как мама говорила о горе Эдама из-за потери прадедушки, которого он очень любил. Теперь она слишком хорошо знала, что для такой боли нет утешения.

– Ты имеешь в виду то, как я осмелилась бросить вызов его внуку? – спросила Джесса, припоминая то немногое, что знала о старом ворчуне.

– Совсем наоборот, девочка. Ты должна понимать – ведь ты самая умная в семье.

Когда дядя говорил так, его загадочные замечания становились кристально ясными. Джесса улыбнулась ему.

– Я имел в виду, что старик Олден очень уважал твоего папу. А до него нашего папу. Сам он политику не жаловал.

Джесса нахмурилась:

– Ты хочешь сказать, что ему бы не понравилась идея о его внуке в качестве мэра?

– Боюсь, ему бы в нем многое не понравилось.

Сожаление в голосе дяди напомнило Джессе о его недавних словах.

– Ты говорил о зле... – начала она.

– Может, это сильно сказано, – признал он, – но не слишком.

На минуту Джесса затаила дыхание. Мог ли дядя подозревать то, что она знала давно?

– Ты думаешь, кто-то в нашем городе, – осторожно спросила она, – поверил бы этому?

Дядя устремил на нее пристальный взгляд:

– Думаю, по крайней мере один человек мог бы поверить.

– Дядя Лэрри... – снова начала Джесса, но звонок в дверь заставил ее умолкнуть.

Посмотрев в окно маленького офиса, она увидела мужчину в голубом пиджаке, серой шерстяной шоферской фуражке и черных очках. Волосы у него были темные и достаточно длинные, чтобы задевать воротник. Подбородок был плохо выбрит, а кожа казалась бледноватой для конца лета, или просто Джесс слишком привыкла к цвету лица людей, работающих под открытым небом.

Мужчина огляделся вокруг, как часто делали люди, впервые приходившие сюда. Магазин был хорошо знаком местным жителям, но вновь прибывших обилие товаров нередко сбивало с толку. В городе бытовала шутка, что в «Хиллс» можно купить все, но нельзя найти ничего. Джесса советовалась с наиболее преданными покупателями насчет реорганизации, но они требовали оставить все как есть, утверждая, что перемены будут сбивать их с толку.

Вскоре мужчина прошел вперед, как если бы точно знал куда. Он направлялся к маленькому офису с задней стороны магазина.

Джесса встала – должно быть, незнакомцу что-то срочно требовалось, и он искал кого-нибудь, чтобы спросить. Она подошла к двери офиса одновременно с ним.

– Чем могу вам помочь? – осведомилась Джесса тоном любезной хозяйки.

Мужчина молчал. Казалось, он уставился на нее, хотя она не могла быть уверена в этом из-за темных очков. Ее взгляд приковывал тонкий и белый шрам длиной в три дюйма с правой стороны его челюсти. Он выглядел старым и зазубренным, как если бы рану следовало зашить, но этого почему-то не сделали.

– Большинство людей, входя, снимают эти штуки, – заметил ее дядя, указав на темные очки посетителя.

Джесса внутренне содрогнулась, надеясь, что незнакомец не обиделся. Дядя Лэрри часто бывал неактичен с покупателями.

– Возможно, они ему нужны, дядя Лэрри, – сказала она, подумав, что у незнакомца могут быть проблемы с глазами, которые объясняли бы его бледность. – Так чем я могу вам помочь?

Мужчина по-прежнему молчал, но после небольшого колебания снял очки.

При виде его глаз Джесса поняла, почему он их носил – должно быть, каждый умолк бы на полуслове, посмотрев в эти глаза. И с ней бы случилось такое, если бы она уже не окончила фразу. Пронизывающие голубые глаза делали просто интересное лицо абсолютно незабываемым. Дело было не только в их цвете – казалось, эти глаза видят больше, чем доступно кому бы то ни было, и многое из того, что он видит, ему не нравится.

Джесса постаралась взять себя в руки – обычно она не пускалась в размышления о незнакомых людях. Но он внимательно смотрел на нее, и это вызывало в ней странное чувство. Можно было подумать, что это всего лишь реакция на привлекательного мужчину, но это было нечто большее.

– Могу я чем-то вам помочь? – быстро повторила Джесса, как будто хотела поскорее избавиться от причудливого эффекта, чем получить ответ.

Казалось, посетитель слегка расслабился.

– Помочь вам, – ответил он, покачивая головой.

Джесса недоуменно моргнула:

– Помочь мне?

Он кивнул в сторону предвыборного плаката в окне офиса – единственного указания на то, что она – хозяйка магазина. Ей не хотелось напоминать о том, что большинство людей в городе знало и так.

– Сделать, чтобы это получилось, – сказал мужчина.

Джесса не знала, была ли причина в экономии слов или уверенном тоне, но она чувствовала, что он не сомневается в способности выполнить это обещание.

Но почему мрачный, почти злобный незнакомец должен это делать?

Глава 4

Она не узнала его.

Другого Сент-Джон и не ожидал, но все же не удивился бы, если бы она каким-то образом это сделала. Это чувство предупредило его о необходимости оставаться настороже в городе, пробуждающем давние воспоминания.

Но Сент-Джон узнал ее сразу. Она не сильно изменилась, хотя прошло двадцать лет с тех пор, как он в последний раз видел ее, и тогда ей было всего десять. У нее были те же светлые, солнечного оттенка волосы, которые в детстве завивались на затылке, а теперь были коротко подстрижены, что ей очень шло. Это делало ее шею еще более стройной и обнажало хрупкий затылок, вызывая у мужчины желание...

Сент-Джон резко оборвал нелепую мысль. Эту дорогу он не мог даже искать на карте, не говоря уже о том, чтобы путешествовать по ней. Ведь перед ним стояла Джесса – девушка, которая была ему почти сестрой.

Но Сент-Джон был не в силах оторвать взгляд от этих больших прекрасных глаз цвета реки и почти таких же изменчивых – зеленых при одном освещении и карих при другом. В них по-прежнему светились ум и доброта, которые удержали над водой голову тонущего мальчика. Тогда он доверял ей, как никому другому, и она никогда не подводила его. Сент-Джону не казалось странным, что он доверял девочке почти на пять лет моложе его и чувствовал благодарность, что может доверять хоть кому-то.

У него невольно сжалось горло. Вызывало беспокойство сознание, что он способен чувствовать... что бы то ни было. Сент-Джон считал себя неуязвимым даже для самых тяжелых воспоминаний, такую плотную и высокую стену он воздвиг вокруг них.

Нужно сделать ее еще выше и плотнее, подумал Сент-Джон. Строить эту стену было невероятно сложно, но добавить кирпичи не составит труда – это не отвлекло бы его от цели, ради которой он сюда приехал.

– Странно.

Это пробормотал мужчина, прислонившийся к дверному косяку позади Джессы. Сент-Джон бросил на него взгляд – он заметил его, как замечал все, в тот момент, когда увидел движение в офисе за магазином. Но теперь Сент-Джон узнал его: это был дядя Джессы – часто нелепый, но неожиданно проницательный дядя Лэрри. Он поседел и отяжелел, но искорки еще поблескивали в золотисто-зеленых глазах – глазах Джессы, – а улыбка по-прежнему была такой обреченной, что заставляла задуматься о том, что он видит и не относится ли его взгляд к иному миру.

Сент-Джон снова оборвал свои мысли – на такую чепуху у него не было времени, не говоря уже о желании. От гнева на себя его голос стал более хриплым, чем обычно.

– Не пойдет, – сказал он, указывая на скромный плакат в окне офиса.

Джесса слегка отпрянула, и Сент-Джон напомнил себе, что это не «Редстоун», где все привыкли к его стилю и мирились с ним, потому что он делал свою работу и облегчал их существование. Но за пределами фирмы это озадачивало людей.

Кроме Лэрри. Сент-Джон ощущал на себе взгляд старика. Он не был уверен в его чувствах, но это не была озадаченность.

«И не твоя проблема», – сказал он себе.

– Что не пойдет? – спросила Джесса.

– Плакат. Не кампания.

Она нахмурилась:

– Знаю. Я только начала.

Джесса без труда понимала его, заметил Сент-Джон. Но она была смышленной и разумной не по годам. Это он хорошо помнил.

– Начинайте правильно, – сказал он.

– Кто вы – один из этих макиавеллиевских² типов, стоящих за тронном? Потому что в спичрайтеры вы не годитесь.

Иногда его сравнивали с Макиавелли. Но на сей раз это его не позабавило.

И тогда Лэрри пошевелился, словно приняв решение. Он обратился к Джессе, не сводя глаз с Сент-Джона.

– Я пойду по своим делам, малышка.

Сент-Джон слышал Лэрри, в свою очередь не отрывая взгляд от Джессы, и видел, как она кивнула. Что бы Джесса ни чувствовала, она не боялась его. Он отметил это с некоторым интересом, так как его боялась добрая половина «Редстоуна». Сент-Джон знал это, знал, что был частью легенды «Редстоуна» и что сотрудники ломают головы над тем, как и когда он встретился с Джошем и почему он такой, какой есть. Сент-Джон даже знал о пари, которое они однажды заключили. Только самые храбрые отважились в нем участвовать, потому что задача была непосильная – надо было рассмешить его.

Это не удалось никому. Поэтому Сент-Джон объявил себя победителем, потребовал выигрыш, и учрежденная Джошем стипендия летной школе стала чуть выше.

Конечно, Джесса не знала, кто он, не знала, что многие серьезные люди остерегаются его и что ей следует делать то же самое.

Не знала она и того, что почти заставила его усмехнуться, что много лет ни у кого не получалось.

– Я загляну к твоей матери по дороге, – добавил Лэрри.

– Спасибо, дядя Лэрри. У нее была трудная неделя.

Сент-Джон помнил Наоми Хилл, помнил ее мягкость по отношению к людям, доброту к нему, помнил, как она обожала мужа и дочь, следя при этом, чтобы они не свернули с правильного пути. Тогда он впервые осознал, что мягкость не всегда означает слабость – открытие, которое выставляло его собственную мать в весьма печальном свете.

Сент-Джон понимал, что сейчас Наоми переживает тяжкое горе, и был слегка удивлен, что это находит у него отклик. Странно, подумал он. Такого раньше не случалось. Должно быть, все дело в проклятых воспоминаниях – она была ласкова с ним, хотя большинство матерей велели бы угрюмому, мрачному мальчишке держаться подальше от их дочерей.

Лэрри все еще наблюдал за ним, подойдя к двери офиса.

– Законченные фразы часто переоценивают, но иногда они полезны, – сказал он, проходя мимо него.

Было бы глупо недооценивать Лэрри Хилла, сказал себе Сент-Джон. Несмотря на свою эксцентричность, этот человек был проницателен. Как и его племянница.

Слова Лэрри эхом звучали в его голове, когда он наблюдал, как старик выходит через заднюю дверь, чтобы, как догадывался Сент-Джон, направиться к большому старому дому через складской и парковочный участок магазина. На мгновение он задумался, каково жить одному в доме, который десятилетиями делил с другим человеком.

Сент-Джон заставил себя прервать размышления и вернуться к настоящему.

Конечно, он мог говорить законченными фразами. Это было бы не сложнее, чем вспомнить другой язык, которым он владел ранее. Но он был здесь не для того, чтобы создавать удобства окружающим, а чтобы остановить дьявола.

– Хотите быть мэром или нет?

Джесса несколько секунд изучала его, прежде чем ответить:

² Макиавелли Никколо (1469—1527) – итальянский политический мыслитель.

– Откровенно говоря, нет.

Сент-Джон умудрился не поднять от удивления брови, но прищурил глаза.

– Я хочу, – решительно добавила Джесса, – остановить человека, которого... которому не доверяю.

Сент-Джон ощутил спазм в животе из-за ее колебания и слова, которое она в итоге выбрала. Он навел справки и знал, что доверие было основным товаром Элберта Олдена здесь, в Сидаре. Его фасад столпа общества был тщательно сконструирован и практически неуязвим.

– Почему?

Вопрос вырвался прежде, чем Сент-Джон смог удержать его. Это было необычно – он никогда не вел себя так необдуманно.

Но Джесса Хилл всегда могла заставить его говорить. В те времена, когда он не разговаривал ни с кем потому, что самый простой вопрос мог показаться ему опасным, десятилетняя девочка, которую он встретил однажды у реки и которая стала его спасением, только она одна вызывала у него доверие. И он рассказывал ей о том, о чем никому не мог даже заикнуться.

– Кто вы? – спросила Джесса – судя по ее тону и выражению лица, она сообразила, что немного запоздала с вопросом.

– Сент-Джон, – ответил он, зная, что ее интересует не имя. Она хотела знать, почему абсолютно постороннего человека так заботят выборы в маленьком городишке.

У него не было готового ответа, и это потрясло его. Он, Сент-Джон, мастер планирования и мыслей наперед, не предвидел такой возможности. Неужели он настолько расслабился, настолько отдалился от тех дней, когда только способность всегда быть настороже могла спасти его?

Именно эта его способность, никогда не теряя бдительности, уметь мгновенно оценить обстановку и принять единственно правильное решение делала его полезным – по словам Джоша, бесценным – для «Редстоуна».

– А имя у вас есть или только фамилия? – спросила Джесса.

– Нет.

Она приподняла бровь, ожидая продолжения.

– Нет, во всяком случае, которое я бы использовал, – добавил он с усилием, в котором не хотел признаваться себе.

– О'кей, мистер Нет-имени-которое-я-бы-использовал Сент-Джон, повторяю: кто вы? И почему вас заботит, кто станет мэром Сидара? Мы всего лишь пятнышко на радаре округа.

– Есть причины, – ответил Сент-Джон.

– Я не могу позволить себе... консультанта или кто вы там.

– Никакого гонорара. – Он увидел подозрение в ее глазах. – До выигрыша, – добавил Сент-Джон. Сумму надо обсудить позже, подумал он.

– А если я проиграю?

– Никакого гонорара.

– Откуда мне знать, что вы не подставное лицо, работающее на Олдена? – спросила Джесса, обнаруживая большее терпение к его лаконичным ответам, чем кто-либо за пределами «Редстоуна».

Она всегда была терпеливой, подумал Сент-Джон. И сильной, как и ее мать. Он никогда не забывал, как впервые стал свидетелем ее гнева, когда на полянке у излучины реки показал ей новые ушибы. Она пришла в ярость и была готова сражаться за него. Он никогда не признавался ей, кто в этом повинен, хотя знал, что она догадывалась даже тогда. Ее догадка была логична – все знали, что его матери не хватит смелости прихлопнуть даже муху.

Но она нашла в себе мужество положить этому конец...

Сент-Джон отогнал эти мысли. Он сердился на себя – ему следовало об этом подумать и подготовить правдоподобный ответ.

– Ниоткуда, – сказал он наконец. – Но слушайте. И побеждайте.

«У этого парня, – подумала Джесса, – больше энергии, чем когда-либо было у меня». И смекалки тоже, как сказал бы ее отец.

Хотя она не получила ответа на большинство своих вопросов, нельзя было отрицать, что этот человек знает свое дело. За полтора часа, которые они провели в офисе, он выдвинул больше идей, чем она за неделю с тех пор, как нехотя согласилась на этот цирк.

Используя объявления в Интернете и местном еженедельнике, Джесса, вероятно, смогла бы заявить о себе. Но ей никогда бы не пришло в голову предложить интервью на радиостанции в соседнем Ривер-Милле – большом городе в двадцати милях по дороге. Радиостанция имела солидную аудиторию в Сидаре, а бесплатное интервью было куда лучше, чем платить за кучу объявлений. Она бы не додумалась до идеи спонсирования поездки на чемпионат по decatлону команды местной средней школы или предоставления специального призового кубка за победу на окружном родео в ее любимых гонках в бочках.

Сент-Джон указал, что все это не припишут только ее предвыборной кампании – она ведь участвовала в decatлоне и родео, учась в сидарской школе.

– Откуда вы знаете? – спросила Джесса.

– Домашняя работа, – ответил Сент-Джон.

Он сам это выяснил, поняла Джесса. Это привело к тому же вопросу: зачем? Но она не стала переспрашивать, зная, что получит тот же, ничего не объясняющий ответ.

Джесса посмотрела на конверт, прислоненный к каталогу оборудования на столе, рассчитанном ею для работы. Выбор стола в офисе был вынужденным. За неделю она настолько погрязла в этой дурацкой кампании, что не знала, как ей удастся одновременно присматривать за мамой. Слава богу, дядя Лэрри стал приходить чаще.

Эмблема, которую придумал Сент-Джон за двадцать секунд и изобразил несколькими штрихами ручки, была броской и эффектной. И Джессе пришлось признать, что добавленный им слоган о необходимости держать Сидар в хороших руках был куда лучше простого «Голосуйте за меня» в различных вариантах.

– Чем вы занимаетесь, когда не вмешиваетесь в кампании по выборам мэра в провинциальных городишках?

– Я... способствую.

– Не сомневаюсь, – криво усмехнулась Джесса, думая, что это звучит, напротив, весьма сомнительно. Не то чтобы она имела что-нибудь против, лишь бы это помогло победить Олдена. А в этом Сент-Джон был, по-видимому, достаточно хорош. Но ее интересовало, кому именно он «способствовал». Не следует ли ей это выяснить? Что, если она позволила странной привлекательности этого человека повлиять на ее суждения?

– ...Этот снимок.

Оторвавшись от своих мыслей, Джесса увидела, что он указывает на фотографию в рамке на противоположной стене за письменным столом ее отца. Она не помнила день, когда снимок был сделан – ей едва исполнилось пять лет, – но это, несомненно, был ее фотопортрет. Длинные светлые волосы были перехвачены сзади лентой; она с восхищением смотрела на человека, который держал ее за руку, когда они стояли перед кафе «Стэнтонс» на Бродвее – это пышное наименование носила двухполосная дорога в Сидаре, ставшая еще более тесной, чем двадцать пять лет назад.

Как всегда, изображение ее отца, такого высокого и сильного на этой фотографии, вызвало комки в горле и слезы на глазах.

– Родство. Используйте это.

Джесса быстро заморгала, затем, когда смысл сказанного дошел до нее, повернулась к нему:

– Что?

– Флаерс. Это фото.

Они заговорили о флаерсе для избирательной кампании. Вернее, говорила Джесса, а Сент-Джон произносил «да» или «нет».

– Я не хочу использовать своего отца, – сказала она, поднявшись и снова начав ходить по комнате. Что-то в этом человеке нервировало ее – это чувство было непривычным. А когда он прикоснулся к ней, невольно или намеренно, чтобы указать на что-то, чувство усиливалось.

– Не использовать. Напомнить.

– Все знают, кем был мой отец. Им не нужна фотография для напоминания.

– Тысяча слов³, – сказал он.

Джесса не удержалась от улыбки.

– Интересно, что вы знаете о тысяче слов? – осведомилась она.

На мгновение уголки его рта дернулись. Была ли это тень улыбки или гримасы, Джесса не смогла понять. Но она не сомневалась, что ей удалось задеть его за живое. И это вызвало у нее ощущение мимолетной победы.

– Глупо не знать, – кратко произнес Сент-Джон.

– Для манипуляций?

– Политика, – отрезал он. С этим Джесса не могла спорить – что такое политика, если не манипуляции? По крайней мере, Олден и люди его сорта практиковали их даже на уровне маленького городка.

– Мой отец этим не занимался, – сказала она, вернувшись от двери к столу. – Он просто говорил с людьми – они знали его и знали, что он защищает их интересы.

– Благие намерения.

– И дорога в ад. Да, знаю. И мой отец тоже это знал.

Джесса подошла к отцовскому столу, глядя на большой календарь, служивший ему блокнотом. Он был все еще открыт на январе – месяце, когда отец умер, – и несколько каракулей иногда были единственным письменным свидетельством торговой сделки. Это было все, в чем нуждался Джесс Хилл. Жители Сидара знали это и доверяли ему настолько, что избирали мэром шесть сроков подряд.

Вначале Джесса говорила себе, что ей нужны эти записки, так как не все сделки были завершены. Но теперь она понимала, что не может выбросить эти каракули, сделанные знакомым любимым почерком.

– Отец не только намеревался, – тихо сказала Джесса. – Он делал и добивался результатов.

– Да. И вы тоже.

– Если я выиграю.

– Используйте фото.

Она сердито повернулась к нему:

– И как это поможет мне победить Олдена, завоевывающего симпатии горожан, играя на смерти первой жены и сына?

На мгновение лицо Сент-Джона окаменело.

– Меня тошнит при мысли о том, что он займет место моего отца, – продолжала Джесса. – Дело не только в уловках с целью вызвать сочувствие, но все эти разговоры о «благие детей», в то время как он...

Она внезапно оборвала фразу, поняв, что сболтнула лишнее в разговоре с человеком, который, как ни странно, внушал ей доверие, но все же был всего лишь незнакомцем. И хотя, несмотря на его странные манеры, ей было уютно и спокойно с ним, не следовало говорить ему о своих недоказанных и, похоже, недоказуемых подозрениях.

³ Имеется в виду английская поговорка: «Одна картина стоит тысячи слов».

– В то время как что?

Его голос был мягким и спокойным, но в нем чувствовалось напряжение, насторожившее ее еще сильнее.

– Ничего, что я могла бы предъявить против человека, которого все считают верхом совершенства.

– Все? А вы?

– Я меньшинство в единственном числе.

– В единственном?

Джесса пожала плечами, желая оставить эту тему.

– О'кей, может быть, еще полдюжины не поддались его чарам. Но это по-прежнему крепкая кирпичная стена.

– Используйте фото.

– Нет.

– Он причина.

– Того, что я это делаю? Да. Никто не убедил бы меня баллотироваться, если бы не отец. Но я не собираюсь использовать его или его... смерть, чтобы увеличить свои шансы.

Джесса понимала, что снова говорит слишком много. Но его раздражающая сжатая манера выражать свои мысли просто вынуждала ее говорить больше, чем она хотела бы.

Ей внезапно пришло в голову, что это великолепный способ вытягивать из собеседника информацию и Сент-Джон, несомненно, умеет им пользоваться.

– Фактор.

– Знаю. Некоторые будут голосовать за меня только по этой причине. Но я не хочу его эксплуатировать. Я ясно дала это понять тем, кто просил меня баллотироваться, объяснив, что им придется подыскать кого-нибудь еще, если они хотят этого.

– Если хотят? – Интонация не была вопросительной, но Джесса знала, что это вопрос.

– Я буду действовать против Олдена. Так же активно, как теперь.

Какое-то время Сент-Джон молчал, потом медленно кивнул:

– Будете.

И снова это не был вопрос – только на сей раз это походило на благословение. Оно согрело ее, что было нелепо, потому что она едва знала этого человека.

Чувство было приятным и немного тревожным одновременно.

Глава 5

Стоило совершить поездку в двадцать миль, думал Сент-Джон, чтобы не останавливаться в Сидаре. Узнав, что единственная гостиница, которой мог похвастаться город, закрыта на реконструкцию, он почувствовал облегчение. Направляясь в Сидар, Сент-Джон был абсолютно уверен, что ничто здесь больше не может его тронуть, что демоны давно мертвы и никогда не воскреснут. Ему не нравилось думать, что он ошибся.

Сент-Джон бродил по удивительно просторной комнате, которую он снял. С дороги гостиница выглядела отнюдь не роскошно – просто старый, неплохо сохранившийся мотель менее чем с дюжиной номеров. Но комната оказалась большой, с мебелью из настоящего дерева, а не какого-нибудь облицованного фанерой субпродукта, комфортабельным диваном и письменным столом у неожиданно широкого окна с еще более неожиданной панорамой.

Но Сент-Джон не любовался пейзажем. Чудесный вид на реку, поблескивающую за деревьями, многим показался бы красивым, но у него река лишь вызвала болезненные воспоминания.

Он смотрел на экран ноутбука, открытого на столе. В гостинице не было линии Интернета и даже радиосвязи – эти блага цивилизации еще не дошли до сельского района.

К счастью, Сент-Джон имел при себе одно из ручных изобретений гения «Редстоун». Кодированный адаптер Йена Гэмбла для его уникального сотового телефона делал возможным его использование в качестве модема. Он также давал доступ ко всем отделам сети «Редстоуна» и личной компьютерной системе Сент-Джона в его кабинете.

Это делало быстрым и легким поиск информации, о которой упомянула Джесса.

Олден, играющий на смерти первой жены...

Первой жены.

Похоже, домашнюю работу Сент-Джон выполнил скверно. Он слишком спешил остановить эту мерзость и многое упустил. Так гордившийся способностью предвидеть каждую возможность, он на этот раз дал маху.

Именно здесь, где Сент-Джон впервые понял, что знание, подготовка и предвидение означают безопасность, а отсутствие их – страх и боль, а потому тем более ему следовало быть готовым на сто процентов, пускаясь в такое предприятие.

Но он оказался готов. И это вновь привело его к раздражающей мысли, что он не до конца победил старых демонов.

«Хорошо, что ты привез ноутбук, – говорил себе Сент-Джон. – Теперь ты можешь исправить положение».

Для менее объемной работы Сент-Джон обычно полагался на телефон, но это был не тот случай, поэтому он прихватил ноутбук, который теперь сообщил ему то, что он должен был знать давным-давно.

Сент-Джон не мог себе представить, что Олден найдет другую женщину, которая выйдет за него замуж. Но теперь он понимал, что был не прав: для окружающего мира этот человек был очаровательным, благовоспитанным и самым выдающимся из жителей города. Женщины всегда увивались вокруг него – он не забывал тыкать этот факт в лицо жене, чтобы напомнить ей о ее недостатках.

В девятилетнем возрасте Сент-Джон подслушал, как его мать умоляла отца развестись с ней. Он никогда не мог забыть, как расхохотался Олден. От этого смеха по его спине побежали мурашки.

– Ты хотела бы развестись? – ухмылялся его отец. – Наложить руки на мои деньги, чтобы ты и твоё отродье могли жить на широкую ногу?

– Он твой сын. – Протест звучал слабо. Только позже Сент-Джон оценил смелость, которая потребовалась даже для этого.

– Я не позволю тебе позорить меня перед всем городом. Конечно, тебе никогда не повесят, но я не хочу, чтобы люди знали, на какой полоумной бабе я имел несчастье жениться.

– Мне не нужны твои деньги, – отозвалась мать хнычущим голосом, и ее ответ так запоздал, что Сент-Джон, прятаясь в тесном пространстве под домом, где он часто скрывался, чтобы избежать отцовского гнева, подумал, не глупа ли она в самом деле. – Только позволь нам уйти.

Жуткий смех раздался снова.

– Ты уйдешь отсюда только в ящике, – пообещал отец. – А мальчишке я скоро найду применение.

В девять лет Сент-Джон не понял, что Олден имел в виду под ящиком. А обещание найти ему применение даже внушило ему надежду, что отец когда-нибудь посмотрит на него по-другому.

– Черт тебя побери!

Восклицание вырвалось у него при воспоминании о том, что это было за «применение». И он не был уверен, адресовано ли ругательство его отцу или самому себе.

Сент-Джон вернулся к экрану, на сей раз заставив себя прочитать весь текст трехлетней давности.

Как может человек, думал он, превращать личный праздник в карнавал? Свадьба происходила в городском сквере, и приглашен был весь город. Многие, очевидно, явились туда ради банкета.

Его интересовало, считал ли кто-нибудь это публичное шоу проявлением дурного вкуса. Или, может быть, теперь, глядя назад, какой-нибудь циничный ум мог прийти к выводу, что мероприятие было для Олдена проведено с дальним прицелом на следующие выборы мэра. То, что они состоятся скорее, чем ожидалось, из-за смерти Джесса Хилла, было для Олдена приятным сюрпризом.

Сент-Джон прервал чтение, чтобы снова посмотреть на фотографию: невеста была достаточно привлекательной – его отец не согласился бы на меньшее – и на вид не робкого десятка. Но возможно, так было лишь вначале, и все изменилось, когда она поняла, что попала в ловушку, откуда нет спасения.

Когда же она обнаружила, что ее муж не вежливый и дружелюбный мужчина ее мечты, а на самом деле чудовище? Спустя три года или раньше? Мог ли Элберт Олден так долго скрывать свою истинную сущность?

Сент-Джон вернулся к статье – его рот скривился в презрительной гримасе от тона заметки, полного почти благоговейного восторга. Список важных гостей включал пару чиновников округа и даже местного конгрессмена. И конечно, мэра с супругой. Отца и мать Джессы.

Однако в перечне отсутствовала сама Джесса. Невероятное упущение для столь подробной статьи? Или она действительно не пришла туда?

Была ли она где-то рядом?

Вспоминая о ней, Сент-Джон никогда не пытался отследить ее путь с помощью Интернета. Он говорил себе, что хочет оставить нетронутым единственное светлое пятно этого мрачного времени.

Но даже теперь, узнав, что Джесса все еще в Сидаре, Сент-Джон не стал выяснять, что она делала в прошедшие годы. Он не мог бы сказать точно, почему не хочет этого предпринимать даже сейчас, когда информация может оказаться важной для цели его пребывания здесь. Но он знал, что это желание – не просто стремление увернуться от старых демонов, которое было если и унижительным, то, по крайней мере, объяснимым.

Сент-Джон понятия не имел, почему не желает вторгаться в жизнь Джессы. Разве только он боялся того, что мог узнать. Но это не имело смысла.

Перед его мысленным взором возник тот странный момент в офисе, когда Джесса пристально смотрела ему в глаза, слегка сдвинув брови и словно ища в его лице что-то.

Что-то знакомое.

На мгновение Сент-Джон перестал дышать, подумав, не могла ли она каким-то образом узнать его. Его сердце подскочило, как будто в надежде на невозможное. Он усмехнулся этому давно забытому чувству, которое не могло привести ни к чему.

Момент прошел. Джесса, казалось, стряхнула одолевавшее ее чувство и продолжила разговор.

А ему пришлось бороться с желанием рассказать ей все.

Сент-Джон снова выругался сквозь зубы. Сосредоточенность была его лучшим даром наряду с умением отделять детали. Но теперь он словно утратил обе способности. Двери распахнулись, повергнув его мозг в состояние хаоса.

Быстро вернувшись к сообщению о «свадьбе века» – гиперболе, вызывающей тошноту, – он дочитал его, дойдя в конце до фрагмента, который делал все слишком очевидным.

«Также присутствовал семилетний сын невесты, Тайлер».

Семь лет. Прошло три года. Значит, сейчас ему десять.

Сент-Джон ощутил спазм в желудке.

Демоны вырвались на свободу.

У его отца появилась новая мишень.

Глава 6

– Мы маленькие, но мы можем расти, – трубил Элберт Олден из беседки в городском сквере собравшимся сторонникам. – Мы можем двигаться вперед и процветать, если откажемся упрямо следовать допотопным путем. Мы можем сделать жизнь лучше для каждого в Сидаре. Джесса слушала, стоя позади толпы, и думала о своем отце. Он хорошо понимал Сидар и его обитателей. Понимал их породу – работающих, независимых людей, твердо решивших добиваться всего самостоятельно. Он был одним из них. Упрямым? Возможно. Но отец часто говорил, что иногда упрямство – все, что вам нужно, чтобы добиться результата.

Легкое движение сбоку маленького помоста привлекло ее внимание. Тайлер Олден беспокойно переступал с ноги на ногу. Десятилетний мальчик был одет в костюм и галстук, в точности как его приемный отец, и Джесса невольно подумала, что отец, делающий из сына свою копию, производит несколько более странное впечатление, чем мать, заставляющая дочь следовать своему образу и подобию. Возможно, у нее просто вызывало подозрение все, что делал Олден, – и самое меньшее в этом списке – костюм его пасынка, а самое большее – то, что он его усыновил, тем самым заработав уважение большинства жителей города.

Речь продолжалась, и Джесса отметила, что Олден в типичной для него манере давал грандиозные обещания, не особенно стараясь чем-либо подкрепить их. Он был полон великих идей, но никогда не мог растолковать, как намерен воплотить их в жизнь. Да, проект большой современной больницы выглядел привлекательно, но население Сидара едва ли могло содержать ее без высоких налогов, которые никто не в состоянии платить. Может быть, следует расширить нынешнюю маленькую клинику, думала она. А новая библиотека искусств была просто фантастической мечтой, которую налоговая база просто не позволила бы воплотить. Реконструирование все еще крепкого старого здания, включая компьютерные установки, сократило бы расходы на треть. Каждая выдвигаемая Олденом идея имела более дешевую и практичную альтернативу. С таких альтернатив начал бы ее отец.

Но отец никогда не пускался в подобное предприятие ради того, чтобы произвести впечатление. Он мог увлечься интересной идеей, если видел, что она имеет реальную основу, потому что любил Сидар и хотел сделать его более удобным для жизни людей, которых он любил и уважал.

А Элберт Олден хотел сделать город удобным и привлекательным для себя самого.

«А остальные пусть просто присоединяются ко мне», – думала Джесса, слушая его.

И многие против этого не возражали. Включая «Сидар репорт» – городскую газету, выходящую трижды в неделю. Хотя в прошлом газета всегда поддерживала политику ее отца, недавно она напечатала крикливую статью, одобряющую кампанию Олдена. Это болезненно кольнуло Джессу, но она почти рада была видеть возмущение матери – проявление новой сильной эмоции, ведь восемь кошмарных месяцев все ее чувства были сосредоточены на неизбывном горе.

В голове у нее все чаще возникало слово «проповедь» – чем больше говорил Олден, тем более театральной становилась его речь. Джесса спрашивала себя, не изучал ли он перед выступлением видеозаписи речей других политиков, настолько знакомыми казались многие жесты и фразы.

Ну, с нее довольно. Поскольку здесь, похоже, находится весь город, ей самое время вернуться в магазин и воспользоваться затишьем, чтобы продвинуться с бумажной работой, которая постоянно угрожала выйти из-под контроля. И еще нужно оплатить несколько счетов. Месяц обещает быть насыщенным, но они справятся. Не то чтобы она не беспокоилась – ее собственная ситуация выглядела невесело. Предвыборная кампания съедала сбережения с тревожной быстротой.

«Папа всегда говорил: „За то, чтобы делать правильные вещи, иногда приходится платить дорого“,» – напомнила себе Джесса, повернувшись, чтобы уйти.

По крайней мере, позади толпы никто не заметит ее ухода. Джесса была уверена – все настолько заворочено человеком в беседке, что никто не заметит, если она покинет и предвыборную гонку.

Может быть, ей следует так поступить. Ведь она, безусловно, не хотела в это ввязываться. То, что за всю стотридцатилетнюю историю Сидара отец Джессы дольше всех занимал кресло мэра города, а ее дед был на третьем месте по длительности пребывания на этом посту, не делало ее автоматически пригодной для этой работы.

Но если отец чему-то научил ее, так это тому, что не следует оставлять попытки, иначе можешь проиграть.

Что-то привлекло внимание Джессы, когда она выбиралась из толпы, уже заполнявшей улицу. Несколько в стороне стоял мужчина, засунув руки в карманы пиджака, и смотрел на человека, ораторствующего футах в пятидесяти от него, с такой яростью, какой она, пожалуй, никогда не видела.

Сент-Джон.

Когда Джесса проходила за его спиной, он, казалось, почувствовал ее присутствие и обернулся. Ярость тут же сменилась холодным спокойствием, которое она видела в его глазах вчера. Это походило на смену масок и смутно встревожило Джессу, заставив ее остановиться.

– Дезертируете?

Голос соответствовал выражению лица. Но Джесса знала, что не ошиблась – здесь было нечто большее, чем азарт избирательной кампании.

– Я могу прочитать речь на его сайте.

– Половина не может, – отозвался Сент-Джон, указав на толпу.

Джесса была удивлена тем, что он осознавал это. Большинство людей из крупных городов так привыкло к своим удобствам, к скоростному Интернету даже в кафе, что мысль о местечках вроде Сидара, где едва возможно быстро даже набрать телефонный номер, не приходила им в голову.

– Думаете, он это понимает? – спросила она.

– Имидж.

– Его трудно создать, если люди не имеют доступа к сайту.

– Будущее.

Джесса моргнула.

– По-вашему, он... работает на будущее, а Сидар – всего лишь ступенька. – Это был не вопрос, поскольку такое приходило ей в голову и раньше, когда она наблюдала за кампанией Олдена, но Джесса не ожидала, что это заметит посторонний.

В глазах Сент-Джона мелькнуло нечто похожее на одобрение. И снова Джесса ощутила вспышку теплоты, удивляясь, что незнакомый человек способен сделать ее счастливее одним лишь взглядом. Она подавила это чувство, напомнив себе о странной смене масок.

– Я собираюсь вернуться к работе, – сказала Джесса и двинулась дальше. Сент-Джон молча повернулся и зашагал рядом. Это не входило в ее планы, но она не знала, как его остановить. Джесса чувствовала слабое давление в пояснице, когда они пробирались сквозь толпу, и пыталась его игнорировать.

Сент-Джон молчал – едва ли удивительно, учитывая его склонности, – и хотя Джесса сознавала, что он вынуждает людей говорить с помощью этого трюка, она ощущала необходимость сказать хоть что-нибудь.

– Где вы остановились? Гостиница в Сидаре закрыта на реконструкцию, а другой в городе нет.

– В Ривер-Милле.

– В «Тимберленде»?

Он кивнул.

– Туда далековато ехать.

Сент-Джон пожал плечами.

Позади послышались радостные крики – толпа реагировала на очередное обещание Олдена.

– Уже вторично он собирает в сквере народ, – пробормотала Джесса, когда им пришлось перейти улицу, чтобы попасть на свободный тротуар.

Сент-Джон молча искоса посмотрел на нее, что она восприняла как вопрос.

– Олден женился три года назад. На свадьбу пригласил весь город. И я уверена, что все пришли.

– И вы?

– Нет. Я была в Сиэтле. Хотя я все равно бы не пошла.

Услышав собственный мрачный голос, Джесса напонила себе о необходимости следить за своей интонацией. Открыто высказывать неприязнь к оппоненту не казалось хорошей идеей. К счастью, Сент-Джон воздержался от комментариев.

– Колледж? – спросил он.

– Университет штата Вашингтон, – ответила она, когда они добрались до угла напротив магазина. – Но я уже закончила учебу. Получила там работу в фирме по поставке ветеринарных товаров.

– Но бросили ее?

– Папа нуждался во мне, – просто сказала Джесса.

Она направилась к магазину, собираясь войти через заднюю дверь и оставить вход для покупателей закрытым. Хотя вряд ли кто-нибудь покинул бы выступление великого оратора ради пакета продуктов.

– Сожалеете?

Джесса рылась в кармане в поисках ключей, пытаясь понять смысл вопроса. В конце концов, она дала исчерпывающий ответ:

– Что мне пришлось уехать? Да. Что я сделала это? Нет.

Джесса открыла дверь, и они прошли внутрь. В задней кладовой было темно, прохладно и пахло сладостями.

– Дорогая учеба. – Слова прозвучали, когда они шли к офису. Она открыла вторую дверь и щелкнула выключателем, прежде чем повернуться к нему.

– Да. Если бы не папа и деньги, которые он начал откладывать перед моим рождением, я бы не смогла поступить в колледж. Или до сих пор выплачивала бы долги.

– Планирование?

– Да.

Сент-Джон ничего не сказал, но Джесса увидела, как что-то блеснуло в его глазах. Что-то, заставившее ее испытать странное ощущение, вроде того, которое она испытывала утром, спрашивая себя: «Что беспокоило меня вчера?»

Толпа в сквере вновь разразилась радостными криками. Джесса не думала, что выражение ее лица изменилось, но Сент-Джон тихо произнес:

– Вы сможете.

Удивленная его пронизательностью, она повернулась и подошла к отцовскому столу.

– Но хочу ли я?

Джесса сказала это почти шепотом, но он услышал ее.

– Только вы.

Она повернулась к нему:

– Если только я могу победить его, значит, причина всего лишь в моем имени.

– В чем бы ни было.

– Никто не должен быть избран только из-за этого, – настаивала Джесса, прислонившись к столу. – Так же как Олден не должен быть избран только потому, что он достаточно богат и может позволить себе широкомасштабную кампанию. Он не сам заработал эти деньги.

Сент-Джон молча посмотрел на нее, приподняв одну бровь. И снова она почувствовала необходимость пуститься в объяснения, хотя ее не спрашивали:

– Деньги заработал его дед. Лесозаготовки, бумага, перевозки. Мой папа говорил, что он был отличный предприниматель. Его сын, очевидно, унаследовал способность к бизнесу, но он и его жена погибли в автокатастрофе. По словам папы, это разбило сердце старику.

Сент-Джон, казалось, внимательно слушал, поэтому Джесса продолжала говорить, хотя не вполне понимала его интерес. Возможно, это было просто стремление знать все о противнике.

– Моя мать думает, что дед испортил Олдена – давал ему все, что тот хотел, никогда не заставляя работать, из-за того, что он потерял родителей. Думаю, это объясняет многое.

– Не все.

Сент-Джон произнес это так же тихо, как Джесса, спрашивая, хочет ли она участвовать в этом донкихотском предприятии. Но она услышала это, хотя не знала, что он имеет в виду. Он знал что-то о наклонностях Олдена?

– Я знала его сына, – внезапно сказала Джесса.

Прошло несколько секунд, прежде чем он промолвил без всякого выражения:

– Того, который умер.

«Господи, законченная фраза! Неужели потрясение было настолько сильным?»

– Да, – ответила она, опомнившись. – Того, который – официально – погиб во время страшной бури и наводнения здесь двадцать лет назад.

– Официально?

Джесса почти жалела, что начала этот разговор. Незачем было затевать его с посторонним. И все же она продолжала вести себя с ним нетипично для нее с того дня, как он появился здесь... Неужели это было всего три дня назад?

– Я этому не верю.

Ей показалось, что он внезапно напрягся.

– Почему?

– Как я сказала, я знала Эдама. Знала о его отношениях с отцом. Какими... плохими они были.

Она услышала слабое эхо этого напряжения в его голосе, когда после паузы, во время которой Сент-Джон, казалось, мучительно подбирал слова, он захотел уточнить:

– В смысле?

– Не думаю, что Эдама случайно унесло потоком воды. Мне кажется, он позволил этому случиться. Или даже способствовал этому.

– Как его мать?

– Да. Она сама покончила со своими горестями – может, он тоже сделал это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.